

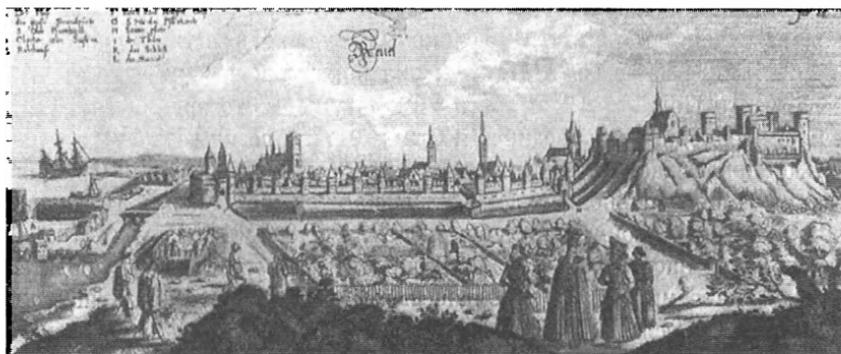
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ОКОНЧАНИЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Как уже говорилось, в связи с перемирием с Речью Посполитой и бескорольями боевые действия против польско-литовских войск в Прибалтике не велись с 1570 года. Этого нельзя сказать о части Ливонии, попавшей под контроль Швеции. Против нее война продолжалась. Весной 1575 года русские войска взяли Пярну — крупный порт на Балтийском побережье, в 1576 году заняли Хаапсалу. Под властью шведского короля остался только Ревель. Против него и был направлен удар в зимнем походе 1576/77 года. Под стены города прибыла русская рать под командованием князя Федора Ивановича Мстиславского и боярина Ивана Васильевича Меньшого Шереметева. Продолжавшаяся с двадцатых чисел января 1577 года до середины марта осада не принесла успеха. Объясняя причину неудачи, летописец указывает: «а град крепок и запасен всем, понеже пришло море под стену его» — то есть осада не могла перекрыть подвоза подкреплений и припасов в Ревель, так как у России не было флота, чтобы блокировать город со стороны моря. Попытки проломить стену с помощью артиллерии и через пролом ворваться в крепость также не привели к успеху. Мало того, погиб один из русских командующих — Иван Шереметев*.

Неудача под Ревелем не повлияла на планы Грозного добиться победы в Ливонии одним мощным ударом. Между тем изменялась

* ПСРЛ. Т. 34. С. 193, 227.

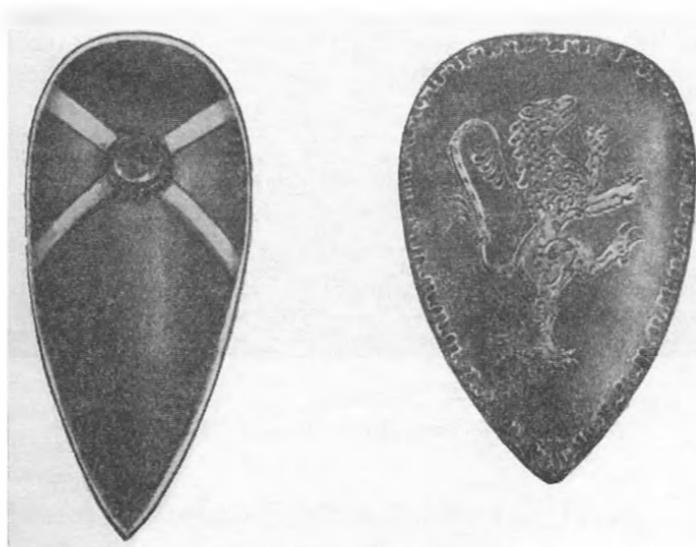
Вид Ревеля

Гравюра из книги Адама Олеария. XVII в.

ситуация в самой Речи Посполитой. Ставший королем Стефан Баторий сумел стабилизировать ситуацию внутри страны, австрийские Габсбурги отказались от планов войны против него, сопротивлялся королю лишь Гданьск, осаждать который Баторий и отправился. Большая часть литовских войск была выведена из Ливонии, а оставшиеся не получали жалованья и имели большие трудности со снабжением. Очевидно, зная все это, Иван IV еще на исходе зимы принял решение о походе в ту часть Ливонии, которая находилась под властью Литвы.

Весной 1577 года монарх выехал на театр военных действий — в Псков. 13 июля русская армия начала вторжение. Спротивляться собственными наличными силами литовцы не могли, а центральное правительство Батория не имело возможности перебросить подкрепления в Прибалтику. В результате за считанные недели под русскую власть перешли несколько десятков городов — почти вся Ливония до Западной Двины оказалась под властью русских. Причем большинство крепостей, замков и городов предпочли сдаться без боя. В таком случае гарнизоны смогли уйти на основную территорию Литвы. Если же оказывалось сопротивление, то защитники уничтожались, а жители отдавались татарам, которых было довольно много в царском войске.

Во время победоносного похода произошел острый конфликт с номинальным королем Ливонии Магнусом, бывшим к тому времени не только вассалом, но и близким родственником Грозного — он женился на двоюродной племяннице царя Марии Владимировне Старицкой. Провинность Магнуса, по мнению Ивана IV, состояла в том, что он в 1577 году сильно расширил границы своего «королевства» —

Щиты
XV—XVI вв.

многие города предпочитали сдаваться ему, а не русским войскам. Царь посчитал это серьезным проступком и вызвал Магнуса в свою ставку и посадил под стражу. По рассказам современников, ливонский король имел все основания опасаться за свою жизнь. Грозный якобы заявил своему родственнику и вассалу о том, что если его не устраивает та территория, которую ему выделил царь, то он может убираться к себе на остров Эзель или в Данию. Впрочем, вскоре Магнус был отпущен. Его сторонникам повезло гораздо меньше — царь занял несколько городов, которые ранее перешли Магнусу, и жестоко расправился с их жителями.

В руки русских попал и руководитель литовских сил в Ливонии князь Александр Полубенский. Именно отряд под его командованием в 1569 году захватил обманом Изборск. Сверх ожидания, царь поступил со знатным пленником довольно милостиво и в конце концов отпустил его в Литву, передав с ним несколько посланий — королю Стефану Баторию, магнату Яну Ходкевичу и русским изменникам — Курбскому, Тетерину, Таубе и Крузе. К сентябрю 1577 года вся Ливония до Двины была занята русскими войсками. Под контролем противника оставались лишь Рига (властям которой была послана грамота с предложением о сдаче) и Ревель, контролируемый Швецией*.

* ПСРЛ. Т. 34. С. 227.

Стефан Баторий, король Речи Посполитой
Портрет XVI в.

По торжествующему тону посланий Грозного того времени видно, что он считал Ливонскую войну наконец выигранной окончательно и бесповоротно. В послании Курбскому он пишет «о наступающей крестоносной хоругви» и «Божьих победах», которые одержало «христовлюбивое воинство» под его командованием. Иван IV считает, что, несмотря на его грехи, которые «многочисленнее песка морского», Бог помогает ему, что Он с очевидностью и показал, передав в руки царю «претвердые германские крепости»*.

Действительно, поход 1577 года был вершиной русских успехов в Ливонии, но отнюдь не означал окончания войны. Основные силы

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 103–105.

противников России не были разгромлены, Швеция и Речь Посполитая не собирались мириться с русским господством в Прибалтике. Наоборот, в перспективе была тяжелая борьба. Дело в том, что до сих пор русская армия имела дело в основном с силами Литвы, теперь же участие в войне должна была принять более боеспособная польская армия. К тому же новый король Стефан Баторий оказался талантливым полководцем. В декабре 1577 года Гданьск подчинился королю, и у него оказались развязаны руки для подготовки контрудара против России.

В конце 1577 года некоторые из только что занятых городов Прибалтики опять перешли под власть Речи Посполитой. Важнейшим среди них считался город Кесь, в котором традиционно находилась резиденция магистра Ливонского ордена. В начале 1578 года на сторону противника перешел «годовник» король Ливонии Магнус. Русское командование предприняло попытки отбить Кесь. Весенняя осада, продолжавшаяся четыре недели, не принесла успеха. Новый, летний поход затянулся из-за неявки большого количества служилых людей. Лишь в октябре русские войска оказались под стенами крепости. В результате артиллерийского обстрела удалось разрушить часть укреплений, но до штурма дело не дошло. Подоспевшие польско-литовские и шведские войска навязали сражение, в ходе которого 21 октября 1578 года русская армия понесла сокрушительное поражение. Часть воевод погибла в бою, часть попала в плен, а остальные бежали с поля боя*.

В этом сражении русские еще не встретились с основными силами Речи Посполитой, руководство которой во главе с новым королем стремилось перевести войну на территорию России. Сейм принял решение о продолжении войны и введении чрезвычайных налогов для уплаты жалованья наемным войскам. До решающих столкновений оставалось совсем мало времени.

Военные поражения 1578 года привели Грозного к мысли о необходимости заручиться Небесной помощью. Было решено перенести в Москву мощи Черниговских чудотворцев — князя Михаила и его боярина Федора. Царь составил специальное послание, которое надлежало прочесть в Чернигове с целью убедить святых совершить переезд, причем обращались к ним «не яко отшедшим, но яко живым». Иван IV неоднократно указывает, что решение о переносе мощей

* ПСРА. Т. 34. С. 193; Т. 5. Вып. 2. С. 262.

принято не им единолично, а по совету с митрополитом Антонием и по желанию всех православных христиан. Святых убеждают в том, что они должны сами «благоизвольно» явиться в столицу. В послании слышатся и нотки покаяния: «презрите беззакония наша, не возгнушайтесь срамных дел наших, очистите согрешения наша». Основная цель переноса мощей указана здесь же: «нас просветите и град сохраните по Божию изволению... облеците иерея в правду; даждьте царем суд; разрушите иноплеменных рати; уставите обдержажии на ны мятежи, и утолите усобные брани...»*. Царь, как верующий христианин, видел причины неудач своих начинаний в грехах, которые совершал и он сам, и его подданные. За свои личные грехи Грозный собирался отвечать только перед Богом, от которого он и получил свою власть, с подданных же Иван Васильевич считал нужным спрашивать сам. Однако то, что правитель не нес ни перед кем ответственности на земле, не избавляло его от необходимости исправлять то, что теперь могло казаться ошибочным. Возможно, одной из таких ошибок, вызвавшей гнев высших сил, Грозный стал считать позволение открыть под Москвой протестантские храмы и вообще некоторое покровительство западным «еретикам». В сильно преувеличенном виде слухи об этом покровительстве распространялись в Европе. Так, в письме из Любека маркграфу Бранденбургскому от 20 декабря 1566-года указывалось, что царь якобы оштрафовал на шестьдесят тысяч рублей своего митрополита за то, что тот причинил насилие одному немцу в вопросах веры. Очевидно, что подобный фантастический штраф не мог быть наложен, но главное в другом — в благосклонном отношении царя к своим новым ливонским подданным. Терпимое отношение к протестантам диктовалось соображениями политического толка: стремлением привязать «немцев» к новой Родине, покровительством королю Ливонии Магнусу.

О существовании в России нескольких лютеранских храмов сообщают иностранцы, побывавшие в нашей стране. Горсей в своих воспоминаниях приписывает себе большое участие в судьбе ливонских пленных: «поскольку я тогда был хорошо известен при дворе... то... я добился разрешения для них построить церковь, много жертвовал на нее, доставил им хорошо обученного священника, который вел службу и собрание прихожан каждый воскресный день по их лютеранской вере». С ухудшением положения на театре Ливонской войны,

* Иоанн Грозный. Духовные песнопения и молитвословия. С. 70–76.

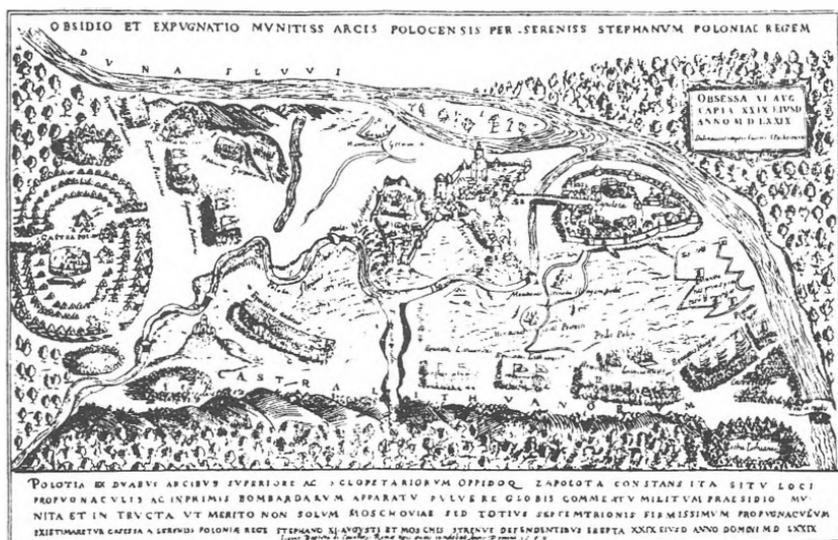
с изменой Магнуса отношение Грозного к протестантам изменилось. Определенную роль в этом мог сыграть гнев, вызванный поражениями, но не меньшее значение имела и возникшая у царя мысль о неужодности Богу этих храмов на территории России. Согласно другому объяснению причин разгрома Немецкой слободы, ее жители получали огромные доходы от продажи вина и спаивали местное население. Это вызвало жалобы духовенства, сам митрополит «печаловался» по этому поводу монарху. Наконец, зимой 1578 года Слобода была уничтожена.

Побывавший в Москве в самом начале 1580-х годов А. Поссевино предполагает, что основной причиной уничтожения храмов было опасение правительства, что русские заведут у себя различные секты. Проживавший в то время в России Горсей сообщает: царь «послал к ним ночью тысячу стрельцов, чтобы ограбить и разорить их». Скорее всего, причин разгрома было несколько: это и религиозные мотивы, и месть за поражения в войне и измену, и призывы духовенства, и опасение протестантской пропаганды*.

Для выправления ситуации в Ливонии на 1579 году был запланирован новый поход под командованием самого царя в Прибалтику. В июне 1579 года Грозный прибыл в Великий Новгород, а в районе Пскова стали собираться войска. Однако в действительности этот поход так и не состоялся: противник сам вторгся на русские земли. В конце июня Баторий отправил Ивану IV послание, которое содержало объявление войны. Особое неудовольствие короля вызывало то, что царь не считает его равным себе правителем, называет его «соседем», а не «братом», как предыдущих польско-литовских правителей. Кроме послания царю, Баторий опубликовал воззвание, обращенное ко всем категориям населения России, с призывом к восстанию против Грозного и переходу на сторону польско-литовских войск. В ответ по приказу царя от имени всех основных групп населения было составлено ответное послание с «укоризною».

Часть русской армии была отправлена в Курляндию, вероятно русские власти ожидали наступления польско-литовских войск через Прибалтику. Но в действительности Баторий решил нанести удар на Полоцк, занятый Иваном IV еще в 1563 году. Направление главного удара оказалось неожиданным для царя: выделить значительные силы

* Горсей Дж. Записки о России. С. 70, 80; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. С. 26, 63.

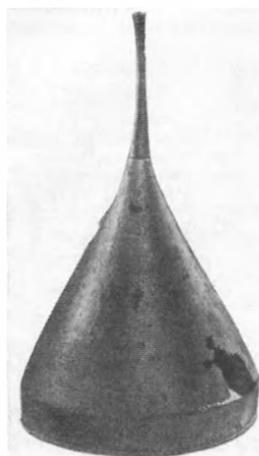
Осада Полоцка Стефаном Баторием
Гравюра XVI в.

для помощи полоцкому гарнизону не представлялось возможным, так как основная часть войск действовала в Прибалтике. Тем не менее 1 августа на помощь Полоцку был отправлен отряд под командованием Бориса Шеина. Задача его состояла в том, чтобы дойти до города раньше, чем Баторий. Этого сделать не удалось — Полоцк был блокирован. Воеводы остановились в крепости Сокол, из которой предпринимали попытки помочь осажденному гарнизону, нападая на отряды польско-литовских фуражиров.

Небольшой гарнизон Полоцка сопротивлялся несколько недель, но в конце концов осаждающим удалось поджечь стены. В таких условиях продолжение обороны было бессмысленно и воеводы вступили в переговоры о сдаче крепости. 1 сентября 1579 года король въехал в город. Освободившиеся войска Баторий отправил против Сокола, где находились русские войска, не успевшие до начала осады подойти к Полоцку. 25 сентября Сокол был взят приступом. Воевода Шеин погиб, многие попали в плен*.

Взятие Полоцка было тяжелым ударом для Ивана IV. Особо неприятно было царю получить издевательское письмо от старого изменника князя Андрея Курбского, написанное через несколько дней после падения Полоцка. Беглый князь смеется над посланиями

* ПСРЛ. Т. 34. С. 227—228.

Шлем
XVI в.

Юшман
XVI в.

Грозного, упрекает его в том, что царь «со всем воинством, за лесы забившись, яко един хороняка и бегун» не посмел выступить против неприятелей. Все это, по Курбскому, результат политики Грозного, уничтожившего храбрых воевод и разумных советников, а с ним

остались одни «калеки», над которыми смеются в Речи Посполитой и «прегнусодейные и богомерзкие Бельские (родственники Малюты Скуратова) с товарищи», «кромешники или опришницы кровоядные»*.

Сдача Полоцка была, в глазах царя, очередной изменой воевод. Очевидно, подобное мнение имело под собой некоторые основания: воеводы Телятевский, Волинский и Раков перешли на службу польскому королю и получили пожалования от Батория, часть гарнизона поступила так же. В глазах царя налицо была очередная измена, но, в отличие от более раннего времени, бороться с ней путем террора стало практически невозможно — следовало опасаться перехода армии на сторону противника.

Положение усугублялось тем, что России приходилось держать часть войск на юге для обороны от крымских татар, а в Прибалтике начала активные действия шведская армия. Осенью 1579 года они даже осадили Нарву, но под стенами крепости потерпели поражение и были вынуждены отойти.

В таких условиях Грозный предпринял некоторые шаги, чтобы добиться заключения мира с Речью Посполитой. Однако послание царя, отправленное Баторию с предложением прислать послов для переговоров, натолкнулось на фактический отказ. В своем ответе король предложил самому царю отправить посольство в Речь Посполитую. Прекратить военные действия польская сторона не пожелала. Было очевидно, что Баторий в данный момент не заинтересован в прекращении войны.

Начало 1580 года было ознаменовано принятием Приговора, направленного на прекращение дальнейшего роста земельных владений Церкви, значительно увеличившихся за время правления Ивана IV, особенно в период террора. Основные положения этого акта следующие: во-первых, все церковные земли с 15 января 1580 года остаются за их нынешними владельцами, запрещается выкуп вотчин и сами суды с монастырями по земельным делам, даже если владение не «утверждено крепостми». Во-вторых, запрещается делать земельные вклады по душе, вместо этого рекомендуется давать деньги. Вотчины же передавать родственникам, даже дальним, если таковых не окажется, то владение переходит к государю, который и позаботится (приказав заплатить деньги из казны) об устройстве души землевладельца. В-третьих, духовенству запрещается покупать земли и держать их в закладе.

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 106–118.

К нарушителям будут применяться санкции — земли перейдут в казну безденежно. В-четвертых, те земельные владения, которые в настоящее время находятся в закладе у иерархов и монастырей, также переходят в казну, однако за них будет выплачена компенсация: «а в денгах ведает Бог да государь, как своих богомолцев пожалует». В-пятых, судьба «княженецких вотчин», которые поступили духовенству до 15 января 1580 года, находится в руках царя — «как своих богомолцев пожалует». Если же кто осмелится после Приговора без специального разрешения правительства взять княжескую вотчину, то она переходит в казну безденежно. Если же княжеская вотчина досталась духовенству не по завещанию, а покупкой, то ее следует «взяти на государя, а в денгах ведает Бог да государь». В-шестых, архиереям и монастырям категорически запрещается увеличивать свой земельный фонд, «жити им на тех землях, что ныне за ними». В-седьмых, если монастырь не имеет земель или их недостаточно, то следует «бить челом государю», а он с митрополитом и боярами примет решение о выделении земельных владений «как будет пригоже».

Постановлениям предшествует вводная часть, в которой указывается на нашествие внешних врагов, которые «хотяху потребити православие». Между тем земельные владения духовенства приходят в запустение, «в пустошь изнуряхуса паче потребы, а воинственному чину от сего оскудение приходит велие». Чтобы церкви Божии были «без мятежа», а «воинский чин на брань против врагов креста Христова ополчатца крепче», Освященный собор совместно с Грозным, царевичем Иваном и боярами и принял вышеизложенные решения*.

Приговор 1580 года нельзя считать антимонышской акцией правительства. Это фиксация сложившегося положения с церковным землевладением. Некоторые пункты Приговора были очень выгодны монастырям. Отчуждение земельных владений в большинстве случаев предусматривается с денежной компенсацией. Конфискация без выкупа бывших княжеских вотчин оставалась на усмотрение Грозного, и доказательств того, что это право широко применялось, мы не имеем. Скорее всего, забрать вотчину — вклад по душе без выкупа, было слишком сложно даже для царя, поскольку это означало лишить душу завещателя помощи и поддержки. Выплачивать же деньги за земли из казны в широких масштабах было едва ли возможно.

* Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 40. С. 57—59.

Автограф митрополита Дионисия

Яркая публицистичность введения Приговора определялась стремлением правительства показать свою заботу о служилых людях, а не реальным содержанием законодательства. Значение этого документа в его направленности на будущее, а не в удовлетворении сиюминутных потребностей государственной казны и детей боярских. Вместе с тем и после 1580 года владения духовенства продолжали увеличиваться, хотя и в гораздо меньших масштабах. Однако Приговор не устраивал правительство и царя в том смысле, что не решал финансовых потребностей государственной казны. На продолжение войны требовались большие средства, а на Соборе добиться отмены налоговых льгот для церковных земель не удалось. В таких условиях правительство решило в начале 1580-х годов ввести денежные сборы с церковно-монастырских земель. Вероятно, вначале подобный шаг был объявлен временной чрезвычайной мерой. С 1581 года собираются основные налоги с ранее отарханенных земель. Соборно это решение было подтверждено уже после смерти Грозного — в 1584 году. В 1581 году митрополит Антоний оставил свой пост и удалился в монастырь. Новым первосвятителем стал настоятель Хутынского монастыря недалеко от Великого Новгорода Дионисий*.

* Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 347.

Стефан Баторий, король Речи Посполитой
Гравюра XVI в.

Обстановка на театре военных действий продолжала складываться для России неудачно. Не было известно, куда нанесет свой новый удар Баторий. Поэтому русская армия была рассредоточена по крепостям и прикрывала основные центры страны. Кроме того, часть армии по-прежнему находилась в Ливонии против шведов и на юге — против татар. Само состояние армии оставляло желать много лучшего — участились случаи дезертирства или вообще неявки на службу. Приходилось отправлять специальные отряды, чтобы собрать служилых людей к воеводам.

В кампании 1580 года король Речи Посполитой решил нанести удар по важнейшей русской крепости Великие Луки. Этот город имел важное стратегическое положение: из него открывался путь и к Смоленску и Пскову. Кроме того, вбивался клин между основной территорией России и завоеваниями в Ливонии. В августе польско-литовская армия вторглась в границы России. Вскоре были взяты крепости Велиж и Усвят, а 26 августа Баторий подошел к Великим Лукам. Крепость была захвачена в ночь с 5 на 6 сентября. Завоеватели устроили во взятом городе страшную резню, в ходе которой погибло около семи тысяч человек, включая женщин и детей. Вскоре пали крепости Невель, Озерище

и Заволочье, а русские отряды были разбиты под Торопцом (21 сентября 1580 года). Правда, русским удалось разгромить польско-литовский отряд у Смоленска. Несмотря на этот частный успех, кампания 1580 года была проиграна. В довершение всех неприятностей, шведский полководец Понтус Делагарди в ноябре захватил центр русских владений в Карелии город Корелу (сейчас Приозерск)*.

Все инициативы Грозного по установлению мира наталкивались на отказ Батория, который требовал уступки всей Ливонии, Пскова, Смоленска и Великого Новгорода. Понятно, что на такие условия Грозный пойти не мог, хотя и соглашался на переход Речи Посполитой части владений в Ливонии и Полоцка. Сейм в январе 1581 года утвердил очередные налоги для продолжения войны с Россией. Царь писал в Соловецкий монастырь в августе 1580 года: «Мы к нему (к королю Стефану Баторию. — *В. Ш.*) посылали о миру и с покорением, а он с нами мирится не хочет, а на нашу землю идет ратью». Почти ровно через год, когда положение стало воистину угрожающим, Грозный счел нужным в очередной раз покаяться в грехах перед духовенством: «Смея и несмея челом бью, что... Бога прогневил и вас своих богомольцев раздражил и все православие смутил своими неподобными делы, и за умножение моего беззакония и ради многаго согрешения Богу попустившу варваров христианства разоряти... и вы бы пожаловали показали милость на нас смиренных и недостойных рабов своих... А мы с детьми вам со слезами челом бьем»**.

Несмотря на подобные покаянные настроения царя, казни в стране продолжались. Один из летописцев в записи под 7089 годом (1580/1581 годы) свидетельствует: «по повелению... царя... бысть на Москве казнь великая всяких чинов людем за их вину, а на площади казнили гостей изменников и торговых людей и воинских и иных по рассмотрению своему, кто чего достоин, и после того времени бысть на Москве тишина велия в людех и безмолвие великое во всех русских городех». Краткая летописная заметка не позволяет сделать никаких выводов о конкретной «измене», которая ставилась в вину казненным. Однако существуют некоторые факты, которые позволяют приоткрыть завесу над казнями 1581 года. Весной в Польшу бежал Давид Бельский — близкий родственник одного из самых влиятельных лиц в окружении Грозного Богдана Бельского. В том же году (7089)

* ПСРЛ. Т. 34. С. 194, 228.

** Акты Археографической экспедиции. Т. 1. № 306, 311. С. 368.

И. Ф. Мстиславский и его сыновья Федор и Василий были обвинены в каких-то преступлениях и прощены лишь «по печалованику» митрополита Дионисия и всего Освященного собора. Князя признавались «во многих винах» и обещали впредь не изменять и городов врагу не сдавать. Наконец, русский посол в Англии Ф. А. Писемский должен был довести, в случае возникновения вопросов, до сведения королевы Елизаветы следующее: «Люди у государя нашего в его... твердой руке; в которых людех и была шатость, и те люди, вины свои узнав, государю били челом и просили у государя милости и государь им милость свою показал»*. Все эти свидетельства источников непосредственно связаны между собой и отражают ту ситуацию, которая сложилась внутри страны к концу Ливонской войны.

То, что война проиграна, что Россия не сможет продолжать активные боевые действия сразу против нескольких противников, стало ясно Грозному. Однако все попытки добиться мира или длительного перемирия не привели к успеху. Стефан Баторий желал окончательной победы. Царь решил сделать необычный ход — обратиться к посредничеству Рима. Еще в августе 1580 года с грамотой в Вечный город был отправлен гонец Истома Шевригин. До цели он добрался в феврале 1581 года и был принят папой, который объявил о том, что посылает в качестве своего представителя Антонио Поссевино. Этот иезуит уже выполнял сложные дипломатические поручения папского престола в Швеции, а перед этим долгие годы являлся секретарем генерала Ордена.

В конце марта 1581 года Поссевино выехал из Рима. К его встрече на границе тщательно готовились. Сохранилось послание Ивана IV от 27 июля 1581 года епископу Смоленска Сильвестру, в котором царь дает свои наставления: иезуита не благословлять, в алтарь не пускать, но если он придет в собор, то служить «соборне, нарядно» и разрешить посещение всех монастырей и церквей. Очевидно, что это решение Грозный принял самостоятельно, не консультируясь с митрополитом. Только на следующий день, 28 июля, из Старицы (где в тот момент находился царь) в Москву было отправлено повеление Дионисию соборно решить, «пригоже ли папина посланника по церквам и монастырям пускати и ему у епископа смоленского быти». 1 августа митрополит отписал Сильвестру Смоленскому о том, что духовенство соборне решило отказать Поссевино в посещении храмов под тем

* Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 226; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. № 201. С. 588—591.

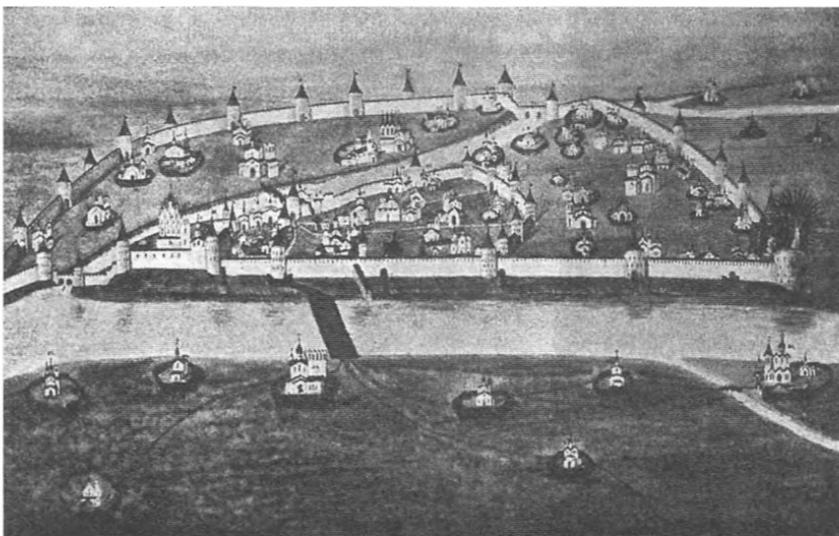

Печать с грамоты, привезенной Ивану IV Антонию Поссевино
XVI в.

предлогом, что в церкви ему «до государева указу быти не вместно». Когда же он поедет назад, то от царя последует специальный указ об этом. Очевидно, Иван IV не уведомил Дионисия о своем разрешении Поссевино посещать русские церкви. Позиция монарха вполне понятна — в данный момент его интересовало успешное проведение переговоров и та посредническая помощь, которую мог оказать папский посланник в примирении с Речью Посполитой. Поэтому Грозный не был заинтересован в подчеркивании разницы между «христианами».

При первых встречах с Поссевино в Старице (конец августа — начало сентября 1581 года) царь был очень любезен и через своих приближенных дал ему понять, что разрешит построить в России католический храм или даже «сам построит его», если установится мир. Очень положительно Грозный отзывался и о решениях Флорентийского собора, в результате которого в XV веке была подписана Уния между православной и католической церковью. Для Ивана IV это было лишь приемом, который вел к успеху (в России хорошо знали о желании Рима распространить католицизм и подчинить Русскую церковь папе)*. Воодушевленный теплым приемом иезуит выехал в лагерь поляков, которые в то время осаждали Псков.

* Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. С. 8, 34; Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антонию Поссевино. СПб., 1903. С. V–VIII.

Вид Пскова XVI в.
Фрагмент иконы XVII в.

Основной удар в компании 1581 года Стефан Баторий решил нанести по Пскову — одному из крупнейших городов России. Взятие этого города открывало путь к Великому Новгороду и делало положение России безнадежным. Но Псков был окружен мощными каменными стенами и представлял собой сильную крепость. Русское командование на этот раз угадало направление основного удара противника и заранее подготовилось к обороне. Были стянуты подкрепления из городов Ливонии, заготовлены запасы пороха, продовольствия, артиллерия. Оборона была поручена нескольким воеводам. Главным из них считался князь Василий Федорович Скопин-Шуйский. Однако душой защитников был Иван Петрович Шуйский. Под его руководством были укреплены крепостные стены, а гарнизон и все жители принесли присягу в том, что будут защищать город до смерти.

Понимая то, что овладеть Псковом будет нелегко, Стефан Баторий тщательно подготовился к походу. Его армия составляла около пятидесяти тысяч человек, были привлечены отряды немецких и венгерских наемников. 18 августа 1581 года передовые отряды польско-литовской армии подошли к городу. По приказу воевод были сожжены все постройки, которые находились за крепостными стенами, для того, чтобы не дать осаждающим укрытий. Участки стен были распределены между воеводами, которые должны были

отвечать за их оборону. 26 августа к стенам Пскова прибыл и сам король с основными силами.

Было решено штурмовать город у Покровских ворот. Были вырыты траншеи, с помощью которых осаждающие приблизились к крепостным стенам, будучи защищены от обстрела русской артиллерии. В одну из ночей были доставлены орудия, из которых следовало обстреливать стены для пролома.

Понимая, что основной удар будет нанесен в этом месте, воеводы приказали параллельно каменной стене сделать еще одну деревянную для того, чтобы, проломив первую стену, противник не смог ворваться

Псков. Церковь Николая со Усохи
Возведена в 1535–1537 гг.

в город. 7 сентября начался обстрел Пскова. Полякам удалось пробить в каменной стене большую брешь и нанести серьезные повреждения нескольким башням. 8 сентября начался приступ. По словам свидетеля событий, «Литовская безчисленная сила на градovou стену, яко вода многая, льющеса; христьянское же множество вой, яко звезды небесныя, противу крепящеса, восхода на стену не дающе. И бе яко гром велик, и шум мног, и крик несказанен от множества обоиво войска, и от пушечнаго звуку, и от ручного обоих войск стрельня и крика». Но через пролом штурмующим удалось ворваться на стены и занять Покровскую и Свинусскую башни. Дальше в город им продвинуться не удалось.

Силы защитников были уже на исходе, «горько было видеть, как христианские воины, словно пшеничные колосья, вырванные из земли, погибали за христианскую веру». В решающий момент была взорвана Свинусская башня вместе с засевшими в ней поляками, венграми и немцами. Удалось отбить и Покровскую башню. Завоеватели были отброшены от стен, причем в обороне принимали участие и некоторые монахи, бывшие раньше служилыми людьми, и женщины. Потери русских во время первого штурма были очень значительны. Погибло 863 человека, было ранено 1626. Впрочем, штурмующих погибло около пяти тысяч.

После неудачи первого большого штурма Стефан Баторий решил подвести подкопы под стены и взорвать их. Всего готовилось девять подкопов в разные участки обороны Пскова. Об этом замысле узнали от захваченных на вылазках пленных, но никто не мог сказать, в какие именно места ведутся эти подкопы. Защитники стали рыть слуховые ходы, чтобы вовремя обнаружить и предотвратить опасность. От одного из перебежчиков удалось узнать направления подкопов. 23 сентября часть из них была уничтожена, а некоторые обрушились сами.

24 октября начался обстрел Пскова калеными ядрами для того, чтобы вызвать пожар в городе. Но поджечь деревянные постройки не удалось. 28 октября была предпринята еще одна попытка штурма. На этот раз Баторий решил подсесть каменную стену с помощью «литовских гайдюков, градоёмцев и каменносечьцев». Через пролом должны были ворваться в город, а деревянную стену поджечь. Разбивающие стену поляки и литовцы прикрывались специальными деревянными щитами, но осажденные скидывали на них горящее смоляное тряпье, лили кипяток, горячую смолу, бросали кувшины с порохом. Кроме того, защитники

придумали специальное приспособление с крюками для вытаскивания из-под стены штурмующих. Так провалился и этот замысел.

После этого было еще несколько штурмов, но они тоже оказались безуспешными. Многодневный обстрел из орудий также ничего не дал. Русским же отрядам удавалось пробиться в Псков, проходя мимо осаждающих, и доставлять в город припасы и подкрепления. 6 ноября Стефан Баторий отказался от мысли взять город штурмом. Решили

Псков. Звонница церкви Успения у Пароменья
Возведена в 1521 г.

уморить защитников голодом. Однако к тому времени положение самих осаждающих было весьма сложно. Постоянные вылазки из Пскова почти ежедневно беспокоили королевское войско. Наступала зима, а укрыться от непогоды было практически невозможно. Трудности были со снабжением продовольствием и фуражом. Не хватало средств для выплаты наемникам. Моральный дух армии оставлял желать много лучшего. В начале декабря король решил покинуть армию, оставив вместо себя командовать осадой Яна Замоиского.

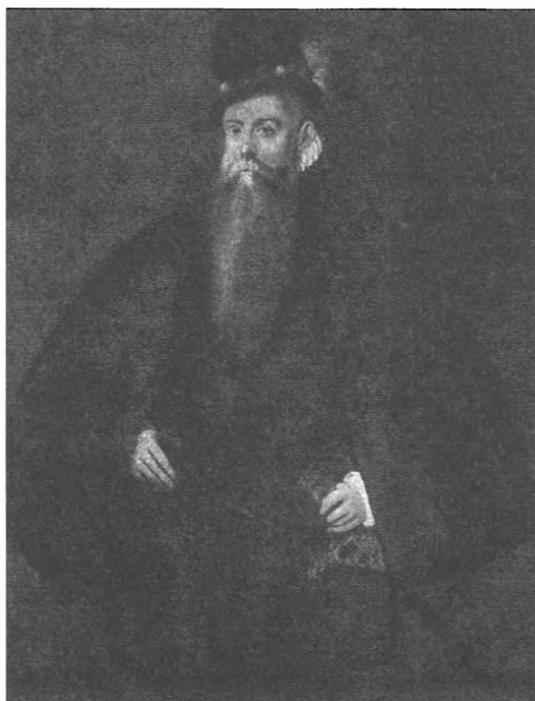
4 января 1582 года состоялась самая крупная вылазка осажденных. В столкновении было убито «яко более 80 панов... также и языков нарочитых в город ухватиша». Всего было сорок шесть вылазок из Пскова и отражен тридцать один приступ. Захватчикам не удалось взять и осажденный ими Псково-Печорский монастырь. Последней надеждой поляков было посеять панику среди защитников убийством фактического руководителя обороны князя Ивана Петровича Шуйского. 9 января в Псков был доставлен ларец от одного из королевских дворян, который в записке передавал, что собирается перебежать на сторону русских, а перед собой послал свои сокровища. Причем ларец, как говорилось в переданной записке, мог осмотреть только сам Шуйский. Русские сразу заподозрили подвох. Ларец был открыт специалистом, который обнаружил в нем пуд пороху и двадцать четыре заряженных самопала, направленных в разные стороны. При неосторожном открытии ларца порох должен был загореться и произошел бы взрыв. Но благодаря предосторожности никто не пострадал.

Через несколько дней — 17 января — стало известно, что русские послы заключили мир с Речью Посполитой, а 4 февраля 1582 года польско-литовская армия отошла от стен Пскова*.

В то время когда польско-литовские войска безуспешно осаждали Псков, свои действия в Прибалтике активизировали шведы. Они воспользовались значительным ослаблением русских сил в Ливонии, выведенных для обороны Пскова. В начале сентября 1581 года Делагарди штурмом взял Нарву. Весь гарнизон и русские жители были перебиты. Вскоре же Россия потеряла Ивангород, Ям и Копорье.

Иван IV понимал, что вести войну дальше одновременно против Речи Посполитой и Швеции нельзя. Поэтому при посредничестве Антонио Поссевино начались переговоры с поляками, чтобы, заключив

* Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 400—476.

Юхан III, король Швеции
Портрет XVI в.

продвижение к Нарве было остановлено. Во многом свою роль в этом сыграла позиция Речи Посполитой, которая сама претендовала на этот город. Шведы тем временем стремились полностью отрезать Россию от Балтийского моря. В самом начале сентября 1582 года они осадили древнюю русскую крепость Орешек, находившуюся на острове Ладожского озера. Штурм был неудачен, а вскоре шведский командующий Делагарди был вынужден отдать приказ об отступлении. Но и русские не смогли воспользоваться этой победой. К тому времени в Казанской земле бушевало восстание против русской власти. На его подавление были отправлены значительные силы*. Продолжать войну оказалось невозможно. Царь Иван начал переговоры со шведами. В августе 1583 года на реке Плюссе было заключено трехлетнее перемирие. По его условиям за Швецией оставались все русские города, занятые ими раньше, но Россия удерживала часть побережья Финского залива с устьем реки Невы.

* ПСРЛ. Т. 34. С. 229.

Ливонская война, продолжавшаяся двадцать пять лет, закончилась поражением России.

Псковская летопись, описывая ход этой войны и действия царя, замечает: «И взят 24 города ливонские и вифляндские у немец, и своих людей посади с нарядом и з запасы. А запасы возили из дальних городов из замосковных, и наполни грады чюжие рускими людьми, а свои пусты сотвори. Егда же возвратися царь на Русь, немцы... не по мнозе все те городки очистиша себе и поимаша и людей побиша... царь Иван не на велико время чюжую землю взем, а помале и своєї не удержа, а людей вдвое погуби»*.

* ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 262.